

Олег Рой

ЛЕГЕНДА О ЗОРГЕ

Графический роман
о величайшем разведчике
XX века

Москва

ЛЕГЕНДА О ЗОРГЕ

Олег Рой

ЛЕГЕНДА О ЗОРГЕ

Графический роман
о величайшем разведчике
XX века

Москва

Очень огорчают меня иные книги... Невероятные ситуации, стрельба, потасовка, погоня — создается впечатление, будто успех разведчика решает его умение выстрелить на полсекунды раньше противника... В 99 случаях из 100, если разведчик вынужден стрелять, это означает, что он провалился и с боем уходит со своей позиции. И вот описывается именно это, а не то, что разведчик — без стрельбы! — осуществляет свое умное дело.

Рудольф Абель

Стробоскоп превращает реальность в серию стоп-кадров: вспышка — кадр, вспышка — следующий кадр... Так восходящее солнце зажигает вершины горного хребта. Он невидим в ночной еще темноте. Но он — есть. Тяжелый, мощный, несокрушимый горный массив.

Человек-легенда.

Рихард Зорге.

ПРОЛОГ

— Послезавтра, — ясно произнес кто-то над самым ухом.
В крошечной, не больше трех татами, клетушке спрятаться было
совершенно негде. Топчан, столик, отхожее место.

Из отсеченного черными, кое-где выщербленными прутьями коридора доносились привычные шорохи, треск, звяканье, чье-то бормотание. Иногда доносился гул бомбежек, но сейчас было тихо.

Охранник ходил бесшумно. Молча. И если бы заговорил, то по-японски. Уж точно не по-немецки. Или, погрузившись в работу, он автоматически перевел японское слово на немецкий? И можно ли было принять произнесенное в коридоре за прозвучавшее над самым ухом? Или слово прозвучало не над ухом, а прямо внутри головы? Тренированный мозг холодно и привычно перебирал варианты, версии, возможности.

Послезавтра? Ну что ж. Можно сосредоточиться на работе. Жаль, что многого не успеть, но тут уж ничего не поделаешь. «Шиката га най». Он не любил эту формулу. Как это «ничего не поделаться», если — надо? Но с казнью точно ничего не поделаешь.

Выводили по утрам. Поэтому каждый день начинался с ожидания. Половина девятого. Девять. Половина десятого... Перевалило за десять — значит, не сегодня.

Впрочем, нет, далеко не каждый.

Сперва год тянулось следствие. Потом почти такой же долгий судебный процесс. Потом подготовка апелляции — деяние очевидно бессмысленное. Но если задумываться, не бессмысленно ли то, что ты делаешь, не сделаешь вообще ничего. А не делать — значит сдаться. Умереть еще до того, как остановится сердце.

Где-то неподалеку, в такой же клетушке, считает часы Одзаки. Вот зачем, зачем? Приговорили бы к десяти годам, да пусть бы даже пожизненное... его, Зорге, показания вели к тому верно и однозначно: он один отвечает, остальные — лишь исполнители, нередко сами не понимавшие, что делают. Но Одзаки упрямо твердил, что он-то все знал и все понимал, поэтому тоже заслуживает казни.

Послезавтра?

Послышалось или все-таки охранник? Пожалел приговоренного? Или, наоборот, захотел пробудить ужас перед приближением смерти? Маловероятно, но возможно. Его японский оставался столь же скуден, как десять лет назад, но одно короткое повседневное слово он понял бы. За эти годы можно было бы освоить язык, да хоть бы и в совершенстве. Но ему и так хватало. Не хватало времени. Его всегда не хватает.

Даже эти почти три года — в сырости, за решетками, почти не ведая, что происходит в большом мире, — он работал. Каждый день, без выходных и праздников. Да и какие праздники? Вот сегодня — праздник или нет? 4 октября 1944 года. День рождения. Сорок девять лет — это всего или уже? Девять лет назад он сидел в знаменитом на весь Токио баре

папаши Кетеля. Хостес, которую называли Агнес, — Агнес, подумать только! — подливала поданное по случаю юбилея шампанское, улыбалась нежно и терпеливо. Слушала.

Послезавтра?

Ему оставалось 33 дня, 19 часов, 37 минут...

От сырости ныли все старые переломы, все тридцатилетней давности ранения.

Книги отсыревали. Рама пишущей машинки казалась ледяной. По рычагам и углам расползались ржавые пятна. Впрочем, на его век хватит. Послезавтра или через месяц — невелика разница. Скоро все закончится.

Машинка была... нет, не другом, а словно еще одной рукой. Писать всегда приходилось много, очень много. И без нее он многое просто не успел бы.

Послезавтра?

Значит, сегодня надо продолжать работу. И завтра. А потом...

Жаль, что не расстрел: секунды — и все. Петля убивает долго и... неприятно. Впрочем, не так уж и долго. Несколько минут — и он наконец сможет отдохнуть.

Тьма не рассеивалась тусклым светильником, лишь расползалась по углам, словно увеличивая крошечную камеру, тесную даже для мелких японцев и уж вовсе не рассчитанную на европейские габариты. Повернись — и в стену плечом впишешься. Шагать, помогая мыслям, негде.

И надо ли? Впрочем, на этот вопрос он ответил себе давным-давно, не один десяток лет назад.

И правда — зачем он это делал? И продолжает делать. Даже судебный процесс сумел обернуть в свою пользу. Не в свою лично, в пользу своей работы. Которая давным-давно стала самым личным, самым важным, стала — жизнью. Тяжелой, подчас невыносимой, но — его. Он сам выбрал. И не справился бы, если бы не чувствовал за спиной великую страну. Россия... Сперва он рвался туда из понимания: сколько ни выступи с пламенными речами перед шахтерами, это мало что меняет. А когда приехал в Россию, сам не заметил, как она проросла в самое сердце. И холодное «надо» превратилось в почти болезненное «не могу иначе». Потому что «иначе» это был бы уже не он.

Мысли мыслями, но мотивирует нас сердце.

Кристина говорила, что он просто наивный идеалист. Россия ее пугала. А его пугало то, что может произойти с этим миром. Ужас от видения надвигающейся тьмы, тьмы, которая поглотит всех, — это же свой собственный ужас. Даже если ты сам ухитришься уцелеть, спастись, — да к демонам такое спасение!

Сердце-то болит свое собственное. Или не сердце, а печати той давней войны? Шрамы, перебитые кости, пережеванное железной мясорубкой тело. Ну и сердце, как без него... Болит за всех, кого убьет расползающаяся тьма. Не мистическая, вполне рациональная, выраженная в строчках и столбцах сухих бесстрастных цифр.

И все-таки сегодня праздник. Тьма еще не побеждена, но ее уже остановили, погнали вспять. Россия остановила. И он — невидимый, о ком знали три с половиной человека, — тоже помог.

Если бы тьма победила, та давняя война показалась бы легкой прогулкой.

Страна Швейцария

СОВ. СЕКРЕТНО.

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА

на резидентов, их помощников, связистов и технических сотрудников резидентур.

Имя Рихардович Ворме

Фамилия Рамвай

Ворме, ~~Имя~~ Рихард

Национальность.

немец

Партийность (стаж).

III 1925 В.К.П.

1919 К.П.Герм.

Знание языков.

немец, английский, норвежский, итальянский, французский и португальский.

Краткие биографические сведения.

ч. 10. 1895. учился в Берлине в гимназии, поступил в университет, работал: вольным редактором, редактором парт. газет, инфор. отдел Коминтерна и инструктором Коминтерна в разных партиях